
ЕГИПЕТ И СОПРЕДЕЛЬНЫЕ СТРАНЫ

EGYPT AND NEIGHBOURING COUNTRIES

Электронный журнал / Online Journal

Выпуск 2, 2019

Issue 2, 2019

**Н. А. Померанцева. Феномен канона в искусстве
Древнего Египта. М.: БуксМАрт, 2018**

Ю. С. Реунов

Научный сотрудник Центра египтологических исследований РАН
yury.reunov@gmail.com

В 2018 г. в московском издательстве «БуксМАрт» вышла монография «Феномен канона в искусстве Древнего Египта». Ее автор — известный отечественный специалист в области древнеегипетского искусства, доктор искусствоведения, профессор МГАХИ им. В. И. Сурикова Наталия Алексеевна Померанцева (1933–2014). Исследование посвящено важнейшему аспекту художественного наследия Древнего Египта — проблеме канона в его философском осмыслении и практическом воплощении в памятниках материальной культуры. Монография фактически венчает научную разработку автором этого многогранного и сложного явления, развивая идеи и концепции, освещенные в более ранних работах, в первую очередь в «Эстетических основах искусства Древнего Египта» (1985)¹.

Каноничность памятников Древнего Египта очевидна не только специалистам, но и обывателю. О ней говорится в каждой серьезной работе по египетскому искусству. Следование канону обнаруживается в общих для разных периодов истории художественных приемах, системе пропорциональных отношений и повторяемости композиционных решений, образующих «устойчивые модели». Всё перечисленное актуально для пространственных видов искусства — живописи, скульптуры, архитектуры, а также для ювелирного мастерства. Совершенно справедливо в этом смысле, что автор начинает во введении с раскрытия самого понятия «канон». Н. А. Померанцева выделяет в нем две основы — «мировоззренческую и практическую, базирующуюся на пропорциональной структуре» (с. 8). Пропорциональные отношения частей к целому в каноне египетского искусства были впервые комплексно, с опорой на разнообразный археологический

---

¹ Померанцева 1985.

материал просчитаны еще в 1950-х гг.², и в дальнейшем это знание уточнялось за счет открытия ранее не известных памятников и появления новых методов и инструментов исследования. Между тем вопрос о мировоззренческой составляющей канона представляется намного более сложным.

Исследование мировоззрения древних египтян в обязательном порядке требует привлечения большого количества источников, главным образом письменных. Без этого трактовка канона как философской категории способна привести к его субъективному или даже ложному пониманию. К сожалению, хотя в работе и приводятся фрагменты религиозных текстов, полноценный разбор источников, позволяющих раскрыть глубинное содержание рассматриваемого явления, отсутствует. Слабым представляется и фрагмент, в котором автор разъясняет понятия древнеегипетского языка, связанные с канонам (с. 8–9). Во-первых, в тексте нет необходимой в таком случае транслитерации иероглифов. Во-вторых, приводимые понятия характеризуются вариативностью значений, так что имело смысл обратиться не только к словарю А. Эрмана и Г. Грапова³, но и к другим работам⁴.

Первая глава монографии посвящена историографии исследования темы. Н. А. Померанцева последовательно раскрывает содержание подходов известных специалистов к пониманию феномена канона в Древнем Египте, приводит их доводы, а также излагает свою позицию по дискуссионным вопросам. Так, она указывает на ошибочность концепции существования нескольких канонов (с. 19). Действительно, пропорциональные отношения частей к целому, будь то рельефы в гробнице, изображающие умершего в загробном мире, или соотношение несущих частей к несомым в архитектуре храмов, изменялись от эпохи к эпохе. Однако объясняется это не существованием различных канонических систем, а естественным развитием египетского искусства по линии стиля. Аргументы в пользу этого подхода, прямые и косвенные, Н. А. Померанцева приводит в каждой главе книги.

Отдельное достоинство работы, о котором следует сказать, составляют оригинальные теоретические наблюдения, которые автор, будучи профессиональным музыкантом, делает в отношении произведений искусства разных видов, пространственных и временных. Так, функциональными аспектами египетского канона, по мнению Н. А. Померанцевой, выступают соотношение статических и динамических элементов композиции, пустого и занятого пространства, а также перенос исторического, действительно произошедшего события в область мифологии. В основе всего перечисленного лежит ритм, отделяющий одно от другого и определяющий цикличную природу вещей. А цикличность, как известно, не только атрибут всех явлений в широком смысле, но и краеугольный камень египетского понимания времени. Таким образом, опираясь на анализ памятников материальной культуры, Н. А. Померанцева раскрывает отдельные грани философской составляющей канона.

Вторая глава посвящена египетским представлениям о числах и их воплощении в пропорциях человека и вещей. Так, автор указывает, что «...конструктивные и художественно-эстетические принципы составляли нерасторжимую связь» (с. 39). Далее

² См. Kielland 1955.

³ Wb.

⁴ Например, Takács 1999–2007.

Н. А. Померанцева раскрывает общие положения древнеегипетской системы мер, в основе которой лежит антропоцентрический принцип, а также приводит примеры, иллюстрирующие использование этой системы для решения задач общего характера в разных видах искусства.

В третьей главе говорится о каноне в архитектуре. Автор рассматривает памятники разных эпох, указывая на традиционные и новые элементы конструкции. Для некоторых памятников предлагаются пропорциональные отношения составляющих их частей, что позволяет раскрыть теоретический замысел архитектора и увидеть результат его воплощения на практике. Н. А. Померанцева верно отмечает, что, несмотря на общее следование традиции, во главу угла египетские мастера всё же ставили прагматизм и функциональность, что наглядно прослеживается в планировках храмов (с. 82–83).

Четвертая глава раскрывает типологию египетской скульптуры и ее развитие на разных этапах истории. Особое внимание уделено здесь пропорциональным отношениям частей человеческого тела, образующим идеальную константу — эталонный образец, служащий основой для множества возможных композиционных решений. Н. А. Померанцева показывает, как эти величины, будучи воплощенными с помощью различных художественных приемов, создают всё жанровое многообразие сцен на стенах храмов и гробниц. Гармоничное восприятие фигур при этом объясняется содержанием в них пропорций золотого сечения (с. 110). Автор также касается «проблемы портрета и непортрета», которая на практике проявляется в передаче пластическими средствами индивидуальных и обобщенных черт, хотя в своем теоретическом аспекте связана с религиозными представлениями египтян о загробном мире и двойнике умершего — его ка.

В следующей, пятой, главе внимание уделено неканоническим памятникам древнеегипетского искусства — рисункам на остраконах. Это явление крайне интересно, поскольку наглядно иллюстрирует не только устойчивость канонических методов, но также гибкость и пластичность применения закрепленных традицией правил в работе мастеров (с. 196–197). Более того, остраконы выступали в качестве экспериментальной площадки для апробации новых композиционных, живописных, графических приемов и решений, а потому представляют собой ценный материал для исследования проблем развития искусства Древнего Египта.

Шестая глава посвящена музыке как виду искусства, в котором также проявлены канонические принципы. Изучение древнеегипетской музыки сопряжено с объективными трудностями в установлении ее уникальных черт. Весьма примерное восстановление ее звучания возможно благодаря изобразительным источникам — сценам, в которых присутствуют певицы и музыканты, а также знанию естественных законов развития музыкальной культуры. Полезными в этом деле оказываются и археологические находки оригинальных инструментов. Всё это позволяет «приблизительно воссоздать строй египетской гаммы, диапазон и ладовую основу мелодии, тембральную особенность звучания...» (с. 205). Опираясь на богатый опыт работы музыкантом, Н. А. Померанцева делает ценные заключения о том, как могла звучать египетская музыка. Не вполне обоснованным, однако, представляется утверждение автора о том, что «музыка в Древнем Египте являлась самым сакральным из всех искусств» (с. 201). Очевидно, что в песне, которую напевал крестьянин или ремесленник за работой, едва ли всегда присутствовал глубинный сакральный смысл. Об этом пишет и Л. Манниш в своей посвященной музыке работе, ссылка на которую приводится в разделе

библиографии⁵. Следовательно, для подтверждения приведенного тезиса необходимо четко обозначить признаки «сакрального», чтобы, опираясь на них, обосновать свое видение.

Последнюю, седьмую, главу автор посвятил орнаменту, его возникновению, развитию, символическому осмыслению и применению в декоре памятников. Описывая различные вариации орнаментального ряда, Н. А. Померанцева находит в них общие с архитектурой и музыкой структурно-организационные принципы. Так, раскрывается значение ритмического чередования составляющих его звеньев и выявляются художественные приемы, с помощью которых природный объект переносился в область «инобытия» и становился частью мифологической картины мира. Вызывает сомнение тезис автора о том, что «орнамент весь пронизан глубочайшим сакральным смыслом...» (с. 217). Безусловно, орнамент способен в предельно сжатой, символической форме передавать сложные и значимые явления и даже концепции. И вместе с тем у него есть и другая, куда более очевидная и понятная функция — декоративная. А потому приписывать каждой вещи, украшенной орнаментом, сакральные свойства не вполне справедливо.

Подводя итог, следует отметить, что монография Н. А. Померанцевой «Феномен канона в искусстве Древнего Египта» посвящена сложному и многогранному явлению, определяющему уникальность, самобытность и узнаваемость памятников, а в более широком смысле — отражающему внутреннее устройство египетского искусства в его связи с религиозно-мифологическими концепциями и картиной мира в целом. Раскрытие такой объемной и многогранной темы за отсутствием необходимого количества привлеченных текстовых источников, передающих философскую составляющую канона, заставляет обращаться к допущениям и предположениям. Очевидно, осознавая опасность такого подхода, Н. А. Померанцева искала ответы на поставленные вопросы в самих памятниках, опираясь на общие закономерности и логику развития египетского искусства.

Глубокий анализ математических и геометрических принципов, лежащих в основе египетских представлений о красоте и гармонии, позволил автору разрешить одну из ключевых проблем в теории искусства применительно к наследию цивилизаций долины Нила — проблему монументальности форм и устойчивости композиционных решений. Опираясь на опыт предшественников, как наших соотечественников, так и иностранцев, Н. А. Померанцева сумела назвать и объяснить ключевые аспекты египетского канона, проявляющиеся едва ли не в каждом памятнике, вне зависимости от его вида, местонахождения и времени создания.

Признавая за исследованием безусловные достоинства, необходимо всё же признать, что оно не лишено недостатков. К ним можно отнести отсутствие должной передачи терминов и понятий: египетские иероглифы лишены транслитерации, латинские и египетские термины переданы исключительно кириллицей. Далее, прекрасные авторские фотографии памятников в приложении даны без уточняющих подписей. Впрочем, и то и другое можно легко объяснить тем, что монография была опубликована спустя четыре года после смерти Н. А. Померанцевой. Автор не успел сделать все необходимые приготовления, о чем достоверно известно рецензенту.

⁵ См. Manniche 1991: 17.

Другим спорным аспектом монографии выступает отсутствие в библиографии новейших исследований по теме. Например, автор пишет: «Одной из сравнительно новых работ в области канона пропорций является исследование Х. В. Мюллера “Канон в египетском искусстве”» (с. 19), однако оно вышло в 1973 г.⁶ и с тех пор появились другие, более современные труды. К ним можно отнести монографию К. Росси «Архитектура и математика в Древнем Египте»⁷. И вместе с тем приведенная библиография по музыкальной культуре вполне соответствует современному уровню знаний.

Последняя книга Н. А. Померанцевой «Феномен канона в искусстве Древнего Египта» представляет собой глубокую и обстоятельную разработку обозначенной в заголовке темы. На текущий момент это наиболее емкий и актуальный труд по теории египетского искусства из опубликованных на русском языке. Несмотря на наличие спорных тезисов, монография, безусловно, заслуживает внимания египтологов, а также историков искусства, специализирующихся на классическом искусстве и искусстве народов Древнего Востока.

Библиография

Померанцева 1985	Померанцева Н. А., Эстетические основы искусства Древнего Египта (Москва, 1985).
Kielland 1955	Kielland E. Ch., Geometry in Egyptian Art (London, 1955).
Wb.	Erman A., Grapow H., Wörterbuch der ägyptischen Sprache (Berlin, 1926–1961).
Takács 1999–2007	Takács G., Etymological dictionary of Egyptian, I–III (Leiden, 1999–2007).
Manniche 1991	Manniche L., Music and musicians in Ancient Egypt (London, 1991).
Müller 1973	Müller H., Der kanon in der ägyptischen Kunst // Der ‘vermessene’ Mensch (München, 1973).
Rossi 2004	Rossi C., Architecture and mathematics in Ancient Egypt (New York, 2004).

Ссылка для цитирования:

Реунов Ю. С. Н. А. Померанцева. Феномен канона в искусстве Древнего Египта. М.: БуксМАрт, 2018 // Египет и сопредельные страны 2 (2019): 64–68.

⁶ Müller 1973.

⁷ Rossi 2004.